

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-61-67

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ахатова Ж.Н.*Институт деловых коммуникаций**125373, Москва, Походный проезд, 4, стр. 1*

Аннотация. Статья посвящена проблеме философско-культурологического анализа традиций казахского народа. Особый акцент делается на проблеме возрождения национальных традиций в начале XXI столетия. В статье рассматриваются две перспективные модели государственного и культурного устройства Казахстана в XXI в.: модель глобализации и модель национального самобытного развития казахской культуры. Сравняется модель глобализации и интеграции казахской культуры в мировую культуру, с одной стороны, и модель национального самобытного развития казахской культуры – с другой.

Ключевые слова: казахские традиции, духовная культура, религия, ислам, брак, глобализация, национальная устойчивость.

SPIRITUAL MEANING OF THE KAZAKH CULTURE

J. Akhatova*Institute of Business Communication**4 Pokhodnyi proyezd, bldg. 1, 125373, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the philosophical and cultural analysis of the traditions of the Kazakh people. Special emphasis is placed on the issue of revival of national traditions in the early twenty-first century. The article discusses two promising models of public and cultural structure of Kazakhstan in the 21st century: globalization model and the original model of national development of the Kazakh culture. The model of globalization and integration of the Kazakh culture into the world culture is compared to the model of the Kazakh national original development.

Key words: Kazakh traditions, spiritual culture, religion, Islam, marriage, globalization, national resistance.

Исторические периоды можно условно разделить на две категории: времена относительно стабильного поступательного развития вперёд, с одной стороны, и точки кризисов, «переломов», «перекрёстков» и «развилки» – с другой стороны. Первые периоды, как правило, гораздо длительнее вторых.

В периоды первого типа горизонт будущего довольно далёк, что позволяет прогнозировать будущее на сколько-нибудь отдалённое время. Для сравнения, при движении на автомобиле по хорошей автомагистрали мы можем позволить себе двигаться с высокой скоростью именно в силу того факта, что на рассто-

янии ближайших километров нет ни поворотов, ни перекрёстков, ни светофоров. И это вселяет в нас уверенность, что ближайший участок дороги в несколько километров или десятков километров мы преодолеем быстро, уверенно и спокойно.

Совершенно противоположное явление – точки кризисов. Горизонт обозримости будущего и способность его прогнозирования в данном случае спрессовывается до предела по причине тотальной непредсказуемости в силу громадного числа факторов, препятствующих нормальной видимости. К этим факторам относятся экономический фактор, факторы политической дестабилизации, социальной напряжённости, этнической и религиозной розни и др. В такие времена будущее поражает сознание обывателя своей неопределённостью. По этой причине уверенность в завтрашнем дне резко падает. Напротив, возникает насущная потребность обращения к прошлому. Именно там люди начинают искать фундаментальные основы их существования. В силу указанных обстоятельств главной характерной чертой точек кризисов неизбежно является обращение к историко-культурной традиции и поиск новых ценностных ориентиров исторического движения вперёд [3, с. 44].

Наша статья посвящена социально-культурологическому анализу моделей историко-культурного развития казахского народа в XXI столетии. Большинство философов, исследующих исторический процесс, едины во мнении, что наиболее самобытные, оригинальные модели, или «схемы», исторического процесса являются порождениями кризисных, переломных

точек истории. Именно в такие моменты тотальному радикальному пересмотру подвергается большинство воззрений об окружающем мире, человеке, обществе, истории.

Известно, что философско-исторические взгляды философа чаще всего суть не что иное, как органическое развитие его онтологических, гносеологических, антропологических и аксиологических воззрений. Исходя из этого тезиса, в данной статье мы стараемся определить онтологические основания моделей развития истории и цивилизации казахского народа в ближайшем веке.

Находясь на пороге III тысячелетия, мы являемся живыми свидетелями сложных процессов переплавки прежней, устоявшейся системы ценностей, стереотипов. На рубеже XX–XXI столетий человечество предстало перед принципиально новыми явлениями экономического, политического, военного, духовного, религиозного социального, культурного порядка. Разумеется, что эти новшества непременно влекут за собой кардинальные изменения взглядов людей на историю, назначение человека. На наших глазах рождается к жизни принципиально новое представление о моделях развития человечества в ближайшие сто лет. По мнению профессора М.В. Бахтина, сегодня на повестку дня выдвигается вопрос о поиске метафизических оснований выживания человеческого рода, сохранения социально-политической и культурной независимости и самобытности наций, активизации импульсов, пробуждающих национальное самосознание [3, с. 66].

Сегодня многочисленные голоса философов, социологов, культуроло-

гов, психологов, антропологов, экономистов свидетельствуют об усилении процессов дегуманизации культуры. Это обстоятельство мотивирует концентрацию усилий учёных самых различных отраслей и направлений на изучении вопросов природы методологических и концептуальных средств наук о человеке и обществе [1; 2; 3; 7]. Проведение такой работы является особенно важным, если учитывать многочисленные факты, которые открыто свидетельствуют о превращении познавательного аппарата гуманитарных наук в систему чисто технических, «инструментальных» средств организации жизнедеятельности человека для достижения целей частного, сугубо эгоистического или группового интереса [3, с. 12].

Современное положение дел на постсоветском пространстве актуализирует проблему моделирования по меньшей мере двух-трёх проекций развития современной евразийской цивилизации. В течение тридцати лет, с середины 1980-х гг., в философии и социальных науках возросла насущная необходимость осмыслить, с одной стороны, фундаментальные «стратегические», с другой стороны, конкретные (тактические) вопросы социально-политической жизни народов мира [5; 6; 7].

В первом приближении метод вариативного моделирования истории, на котором во многом основываются выводы данной статьи, состоит в том, что *историческое прошлое рассматривается как один из потенциально возможных путей развёртывания ситуации*. Один из разработчиков этого метода профессор В.В. Балахонский в своей монографии «Объяснение истории» справедливо отмечает: «Допуская

наряду с реализованным вариантом возможность рассмотрения альтернативных путей развития, используя метод вариативного моделирования, исследователь конструирует модели тех вариантов развития конкретной ситуации, которые не реализовались в реальности, но были потенциально заложены в ситуации и могли бы развернуться при необходимых условиях» [1, с. 41].

Осознать глубину, сущность любого исторического явления, феномена мысли представляется крайне затруднительным, если не «схватить» это явление, феномен во всей его полноте, становлении, развитии. Каждая составная часть любой философской теории, идеи, принципа возникает не сама по себе. Она всегда детерминирована всем ходом философской мысли. Это неизбежно можно сказать и о том базисном принципе социальных наук, который положен в основание выводов данной статьи – *принципе историзма*.

Кристаллизация исторического мышления, одним из фундаментальных принципов которого является принцип историзма, всегда идёт рука об руку с кризисными, катастрофическими точками развития истории. Н.А. Бердяев в своей работе «Смысл истории» отмечал: «Исторические катастрофы и переломы, которые достигали особой остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории» [4, с. 95]. Момент философско-исторической рефлексии всегда есть следствие завершения того или иного

этапа развития истории, следствие возможности абстрагироваться, дистанцироваться от него. История философской мысли предоставляет нам достаточное количество примеров, подтверждающих этот вывод [4, с. 97].

На наш взгляд, в начале текущего двадцать первого столетия в судьбе казахского народа очевидно проявились *два исторических вектора*, направленных диаметрально в противоположные стороны. Первый вектор обращён в будущее: это вектор необратимости движения истории вперёд. Другой вектор нацелен в прошлое: он отражает историческую связь прошлого с настоящим и отражает детерминированность настоящего прошлым. Этот второй вектор отражает многовековую духовную культурно-историческую традицию. О двух таких моментах истории говорил Н.А. Бердяев. Он выделял момент консервативный, имея в виду под ним связь с духовным прошлым, внутреннее предание и момент творческий, понимаемый им как устремлённость в будущее, к финалу [4, с. 96].

Таким образом, в точке соприкосновения двух веков и двух тысячелетий столкнулись одновременно несколько эпох: во-первых, догосударственная эпоха, во-вторых, Казахстан царской, имперской эпохи, в-третьих, Казахская Советская Социалистическая Республика советской эпохи, в-четвёртых, эпоха нового Казахстана, демократического, постсоветского. Сегодня для многих очевиден тот факт, что обращение к культурно-историческому наследию царской, имперской эпохи есть неизбежное следствие действия третьего закона диалектики: *закон отрицания отрицания*. Апри-

орное отторжение советского опыта в конце прошлого и начале текущего столетия должно было привести к поиску новых оснований и принципов, которые должны были встать на место рухнувших идеалов. И если учитывать то обстоятельство, что новая идеология, культура и вообще новый уклад чего-либо создаётся не так быстро, как разрушаются прежние устои, то историческая память народа неизбежно тяготеет к традициям. Чем больший размах в современном казахском общественном сознании приобретает отрицание исторического опыта почти всего двадцатого столетия, то есть истории Советского государства, тем с большей силой проявляется стремление возродить досоветские традиции казахской культуры. Однако следует помнить, что «первое отрицание» есть всегда *эйфория*, неразумное, эмоциональное отвержение всего, что связано с предыдущим этапом развития. Эта эйфория быстро уходит. После этого на смену первому этапу закона отрицания отрицания неизбежно приходит следующий этап, когда отвергнутое со всем революционным энтузиазмом недавнее прошлое начинает незримо проступать в настоящем, сочетаясь в превращённых формах с новыми веяниями эпохи.

Таким новым веянием нашей эпохи стала глобализация мира, которая в перспективе должна привести к установлению Нового мирового порядка. Глобализация в XXI столетии неизбежна, как индустриализация или коллективизация в XX в. Сама по себе, в идеальной форме, глобализация не является ни отрицательным, ни положительным явлением. Это историческое явление, необходимость которого об-

условлена всем предшествующим ходом исторического развития.

Однако историческая глобализация, которая идёт по планете сегодня, есть глобализация американского образца. Она подразумевает, в частности, стирание перегородок национально-культурных различий народов, унификация всех областей жизни. США в данном случае мыслится как метрополия всемирной колониальной империи, в которой будет сосредоточена большая часть всех финансовых средств планеты.

Справедливое сопротивление шести с половиной миллиардов населения Земли, не попавших в «Золотой миллиард», установлению американского Нового мирового порядка совершенно чётко осознаётся его модельерами. Угроза со стороны униженных и оскорблённых стабильности «золотого миллиарда», конечно, предотвращается при помощи «планетарной политической власти», уже показавшей себя в Ираке, Сербии, Ливии, Сирии, Украине и других «низкоорганизованных» регионах [3, с. 74].

Резюмируя обзор американской модели Нового мирового порядка, важно подчеркнуть, что навязывание западных ценностей, образа мышления, чуждых культуре общественных институтов, категорически не подходит казахам. Американская модель Нового мирового порядка влечёт за собой угрозу потери национально-культурной идентичности, будет размывать народ, превращать его в скопище никак не организованных людей, проживающих в безнациональном государстве. Модель развития истории, построенная на базе американской социально-философской мысли, нельзя

автоматически переносить на почву казахского общественного организма.

Однако история учит нас тому, что все попытки создания монополярной модели мира (от восточных империй до Наполеона и Гитлера) рано или поздно оборачивались гибелью [3, с. 82]. В силу этого принцип историзма подводит нас к мысли, что американская модель Нового мирового порядка будет гибелью казахов и культуры Казахстана в XXI столетии.

Исторический опыт свидетельствует, что одной из движущих сил развития любого народа является борьба двух начал – идеи государственности и идеи личной свободы [3, с. 82]. «Сегодня, – отмечает М.В. Бахтин, – настал момент, когда противостояние этих идей достигло высочайшего напряжения. Исход борьбы данных начал будет, в сущности, определять модель социально-государственного устройства страны в XXI веке» [3, с. 82].

Американская модель Нового мирового порядка сулит Казахстану участь «цивилизованного» государства. Нам же представляется, что лучше заботиться не о вовлечении в сомнительную «цивилизацию», а выдвигать пути развития собственной цивилизации, сохранения её самобытности и не стремиться прививать ей свойства, чуждые родной почве. Корни развивающегося и углубляющегося ныне глобального кризиса, с нашей точки зрения, находятся в той утопичной установке, что теорию и практику западного либерализма следует переносить на национальную казахскую почву. По утверждению М.В. Бахтина, «попытки воплощения всех чужеродных нашему сознанию и культуре элементов порождают такие уродливые

мутанты, как нынешняя стихийная форма отечественной демократии, ведущей к фрагментации общества и государства» [3, с. 83].

Однако американская модель Нового мирового порядка сегодня уже не является единственной моделью Нового мирового порядка. Усиление России и возвышение её голоса на мировой арене в последние 3 года, в 2013–2016 гг., позволяет предположить, что построение Нового мирового порядка в XXI столетии будет совершаться не руками США, а руками России. Нам могут возразить, утверждая, что Новый мировой порядок может построить только сверхдержава, а Россия с 1990-х гг. вышла из числа развитых государств и пребывает в глубочайшем кризисе. С этим доводом можно было бы согласиться, если не принимать во внимание волновую, пульсирующую модель истории России, сформулированную в работах профессора М.В. Бахтина [2; 3]. По его мнению, каждый новый век начинается в истории России с кризиса, продолжается подъёмом, всегда превышающим подъём предыдущего столетия. В XX в. Россия в эпоху Сталина впервые за две тысячи лет своей

истории смогла стать супердержавой, какой никогда до этого не была. Впервые за всю историю российского государства она заняла первое, паритетное место в мировом устройстве наряду с США. К примеру, в предыдущем, девятнадцатом веке, Россия занимала только пятое место в мире после США, Великобритании, Германии и Франции. Выходит, что новый, XXI в. сулит России подъём бóльший, нежели Россия смогла достичь в XX в. Словом, после пережитого кризиса Россия снова превратится в супердержаву, гораздо более мощную, нежели был СССР. Вот тогда Россия сможет стать во главе движения за построение Нового мирового порядка, но уже не американской, а русской модели.

Тогда многие народы, соседние с Россией, и не только, смогут объединиться в новый большой союз, который и станет в XXI столетии основой формирования Нового мирового порядка. Этот порядок будет строиться не на насилии, как это делают США, а на добровольном участии, как всегда и делала Россия на протяжении всей своей истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балахонский В.В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. 204 с.
2. Бахтин М. В. Историческое сознание и рефлексия исторического // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 3. С. 17–27.
3. Бахтин М.В. Модели истории: социально-антропологический анализ. М.: Московский государственный социальный университет, 2004. 128 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
5. Исаева Е.Л. Средняя Азия. М.: ООО ТД «Изд-во Мир книги», 2009. 224 с.
6. Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2006. 576 с.
7. Семаева И.И. Поиск идентичности: Русская религиозная философия XX века и её духовные основания: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 220 с.

REFERENCES:

1. Balakhonskii V.V. Ob»yasnenie istorii: istoriko-filosofskii, metodologicheskii i gnoseologicheskii aspekty [Interpretation of History: Philosophical, Methodological and Epistemological Aspects]. St.Pb.: RGPU im. A.I. Herzen, 1997. 204 p.
2. Bakhtin M. V. Istoricheskoe soznanie i refleksiya istoricheskogo [Historical Consciousness and Historical Reflection] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2012. No 3. Pp. 17–27.
3. Bakhtin M.V. Modeli istorii: sotsial’no-antropologicheskii analiz [Models of History: Socio-Anthropological Analysis]. M.: Moskovskii gosudarstvennyi sotsial’nyi universitet, 2004. 128 p.
4. Berdyaev N.A. Smysl istorii [The Meaning of History]. M.: Mysl’, 1990. 176 p.
5. Isaeva E.L. Srednyaya Aziya [Central Asia]. M.: OOO TD «Izd-vo Mir knigi» [Publishing House The World of Books], 2009. 224 p.: tsv. vkl. 16 p. (Series «Customs of the Peoples of the World»).
6. Korol’kov A.A. Dukhovnyi smysl russkoi kul’tury [Spiritual meaning of Russian culture]. SPb.: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Herzena [Russian State pedagogical university named after A.I. Herzen], 2006. 576 p.
7. Semaeva I.I. Poisk identichnosti: Russkaya religioznaya filosofiya XX veka i ee dukhovnye osnovaniya: monografiya [The Search for Identity: Russian Religious Philosophy of the 20th century and its Spiritual Foundations: a Monograph]. M.: Izd-vo MGOU, 2012. 220 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахатова Жанар Нурлыбаевна - аспирант кафедры философии Института образования и науки;
e-mail: midk2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Janar Nurlybaevna Akhatova – Ph.D., Post-Graduate Student of the Philosophy Department of the Institute of Education and Science;
e-mail: midk2008@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ахатова Ж.Н. Духовный смысл казахской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 61-67
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-61-67

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

J. Akhatova SPIRITUAL MEANING OF THE KAZAKH CULTURE // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 2. pp. 61-67
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-61-67